

Китайско-индийские противоречия по проблемам азиатской интеграции

© 2014

В. Балакин

Проблема выбора модели азиатской интеграции сегодня стоит как никогда остро. Особое место в региональном интеграционном соперничестве имеет геостратегическое влияние, которое Китай и Индия нарастили за последние 30 лет. Их престижу способствует наличие ядерной мощи. Их уязвимые места: оба государства представляют собой мультиэтнические общества с постоянными конфликтными ситуациями, урегулирование которых требует осторожности.

Ключевые слова: Китай, Индия, азиатская интеграция, региональное соперничество, интеграционная модель.

В XV в. Китай господствовал над всеми восточными морями, Индия же играла ключевую роль в торговле между Востоком и Западом. К началу XVI в. на обе страны приходилось в совокупности более 50% мирового производства, на Европу — лишь 20%. К 1820 г. Китай и Индия еще сохраняли свое экономическое влияние на стратегическом уровне, однако затем произошло резкое снижение их экономических потенциалов, в результате чего к 1950 г. приходилось уже только 9% мирового производства. За последние 30 лет оба государства сумели стабилизировать устойчивый экономический рост, добиться геостратегического влияния, что сулит им восстановление к 2030 г. прошлого превосходства¹.

Китай и Индия обладают огромными человеческими ресурсами, адекватными промышленными и технологическими базами и, что очень важно для регионального лидерства, крупными вооруженными силами. Кроме того, обе державы обладают ядерной мощью, а также продвинутыми особенно, у Китая программами освоения околоземного космического пространства. У них налицо значительный исторический опыт жесткого соперничества за лидерство на азиатском континенте, достаточно вспомнить китайско-индийскую войну 1962 г. и вооруженные столкновения на границе в 1967 и 1987 гг.²

В настоящее время экспертное сообщество внимательно исследует возможности становления к 2030 г. баланса сил между Китаем и Индией. Оценки выстраиваются на основе конкретных действий китайского и индийского правительств, а также правительств других держав, способных влиять на китайско-индийское соперничество. Глобальная многополюсная система возникла именно с того момента, когда Китай и Индия стали планомерно наращивать свою совокупную комплексную мощь, преследуя при этом и региональные интеграционные цели. Во многом данная тенденция носит объективный характер, поскольку мировой экономический рост последовательно перемещается из зоны Атлантики к Тихому океану³: азиатский континент превращается в арену их

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru.

усиливающегося соперничества, подогреваемого неопределенностью американского выбора в отношении формирующейся азиатской интеграционной модели.

Окончательный американский выбор явно запаздывает по объективным причинам, связанным в первую очередь с неопределенностью перспектив роста китайской и индийской экономик в последующее десятилетие, а также неясностью будущего развития политической и военной стратегий обоих государств. Однако, уже сейчас очевидно, что продекларированные этими державами основополагающие стратегические планы неизбежно подталкивают их к более жесткому соперничеству как в региональном, так и в глобальном масштабах за энергетические и другие сырьевые ресурсы, остро необходимые обеим странам для дальнейшего экономического развития. Уже имеющиеся и предстоящие достижения глобальной технологической революции объективно заставят Китай и Индию бросить имеющиеся силы и средства на инвестирование в приоритетные отрасли знаний (информатику, биотехнологии, нанотехнологии, в разработку композиционных материалов). Кто быстрее добьется лучших результатов, тот неизбежно приобретет существенные геополитические и военные преимущества. События двух десятилетий, впрочем, свидетельствуют, что технологических преимуществ для достижения национальных целей оказывается недостаточно: определяющую роль все-таки играют военно-политические альянсы, представляющие в своей основе не что иное, как сложные интеграционные образования, подчас даже не закрепленные формально в каких-либо официальных юридических документах⁴. При анализе природы китайско-индийского соперничества, заметно, что оно на протяжении веков имело своей основной целью формирование подконтрольных интеграционных альянсов, прежде всего, в Юго-Восточной Азии.

По мнению многих экспертов, китайско-индийское соперничество на сегодня проявляется в постоянном контроле за совокупной национальной мощью конкурента, в поддержании боеспособности национальных ядерных сил, в развитии военно-морской составляющей вооруженных сил, в стабильно высоком уровне боеспособности военно-воздушных и наземных сил⁵. Кроме того, внимательно изучается инфраструктурная компонента, содержанием которой является наличие военных баз в приграничной зоне, а также на территории союзных государств, включая создание эффективных условий переброски войск (в том числе за пределы своих границ).

Экстраполируя на 2030 г. долгосрочные тенденции отношений Китая и Индии, можно предположить, что балансы их национальных интересов будут взаимно противостоять. Китай и Индия основывают свои стратегии развития, исходя из субъективно понимаемых целей и методов их достижения, основанных на масштабных инвестициях в оборонные потенциалы. Примечательно, что обе державы включают в свой военный потенциал внешнюю интеграционную составляющую, ориентируясь, прежде всего, на политические позиции, уже приобретенные в различных странах Азии.

Китай и Индия внимательно отслеживают все изменения в азиатской политике США, справедливо полагая, что американские национальные интересы на азиатском континенте всегда будут противоречить национальным интересам всех основных игроков в данном регионе, играя роль своеобразного барометра. Объективная реальность геополитической ситуации в Азии сегодня — именно американский фактор, через призму которого каждое азиатское государство выстраивает будущие параметры своего развития⁶.

Китай и Индия в полной мере учитывают американский фактор при разработке национальной региональной интеграционной модели. При этом существует значительная асимметрия в восприятии китайским и индийским руководством геополитических планов США в отношении Азии. Если Китай скрупулезно отслеживает любые шаги американского правительства на азиатском направлении, рассматривая их исключительно с точки зрения угрозы национальным интересам КНР, то Индия в отношениях с США занимает до некоторой степени созерцательную позицию, видимо, отдавая себе отчет в том,

что вряд ли сможет существенно помешать реализации американских стратегических планов на азиатском континенте. Индийские власти прежде всего ориентируются на сдерживание китайской активности в военной сфере, а потому видят в Вашингтоне своего возможного объективного союзника в противодействии КНР. В свою очередь Китай должен решать значительно более сложную задачу, направленную на сохранение своих стратегических позиций в Азии, в том числе за счет внесения серьезного диссонанса в индийско-американские взаимоотношения⁷.

Однако перспективы индийско-американского союза против КНР при более детальном рассмотрении выглядит скорее всего тактической уловкой со стороны Дели. По большому счету, ни Китаю, ни Индии не нужен в Азии стратегический партнер, который сам претендует на исключительное доминирование. Китайско-индийское соперничество в данной связи вполне может со временем превратиться в раздел сфер влияния. Для Китая в обозримой перспективе приоритетным, видимо, будет создание военно-морского преимущества в зоне восточных морей, где он неизбежно натолкнется на жесткое американское противодействие⁸. Не избежать того же и Индии, чьим аналогичным приоритетом останется военно-морское доминирование в Индийском океане.

Принципиальные различия в политическом устройстве Китая и Индии определяют разработку принципиально разных интеграционных моделей для азиатского континента. Но при всех различиях и противоречиях Китай и Индия практически согласны друг с другом в главном: им не нужно вовлечение кого-то третьего в их соперничество. Китай имеет существенное конкурентное преимущество, выражающееся в уже устоявшейся системе воздействия на политические процессы в сопредельных странах через хорошо структурированные ячейки хуацяо — китайской зарубежной диаспоры, особенно в Восточной Азии⁹. У Индии налицо настойчивое стремление сделать своими основными опорными точками немногочисленные азиатские государства, которые имеют проблемы в отношениях с КНР.

Интересно проследить эволюцию становления китайской интеграционной модели для Азии, которая последовательно изменяется от четвертого поколения китайских руководителей к нынешнему, пятому, а в перспективе может получить неожиданное продолжение в рамках внешней политики будущего, шестого поколения руководства КНР, которому предстоит решать принципиально иные задачи за горизонтом 2022 г. Председатель КПК и КНР Ху Цзиньтао и его команда сделали ставку на стабилизацию отношений с Индией и попытались смягчить конкуренцию с индийскими соперниками, вынудив их принять китайскую интеграционную модель в Азии, используя, в частности, стремление индийского правительства стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. Для Индии членство в ШОС является весьма важным фактором, сулит ей консолидировать общество за счет успешной внешнеполитической активности. Для Индии азиатская интеграция представляется вполне естественной и понятной с учетом того опыта, который накоплен ее центральным правительством в ходе внутреннего объединения весьма разнородных этнических, религиозных и политических групп. В этом принципиальное различие между китайской и индийской моделями азиатской интеграции, и существо данного различия проистекает из китайской унитарной и индийской федеративной системы государственности¹⁰.

Взаимоотношения Пекина и Дели в рамках ШОС представляют достаточно наглядную картину двух точек зрения на интеграционные процессы в Азии. В ряде китайских и индийских документов сформулированы долгосрочные цели и задачи, решая которые страны намереваются добиться нужных им геополитических результатов на азиатском континенте. Опубликованная 31 марта 2011 г. «Белая книга по обороне КНР» указывает, например, четыре таких цели:

– обеспечение национального суверенитета Китая в Азии как гарантии соблюдения национальных интересов развития страны;

- поддержание внутренней и внешней стабильности КНР как условие азиатской безопасности;
- ускоренная модернизация китайских вооруженных сил как предпосылка для обеспечения азиатской стабильности;
- принятие Китаем на себя повышенных международных обязательств по сохранению мира в Азии.

Что касается стратегических целей Индии на азиатском континенте, то они выглядят более детализированными (в документе индийского правительства под названием «Азия в 2020 году: будущий стратегический баланс и возможные альянсы»):

- безусловная реализация мер по повышению устойчивого экономического роста в Индии;
- полная энергетическая безопасность страны;
- максимальное снижение террористической угрозы в Азии за счет выстраивания равных отношений сотрудничества с соседними мусульманскими государствами;
- разработка предложений по трансазиатским инфраструктурным проектам;
- достижение реального военного баланса сил с Китаем;
- использование статуса ядерной державы для достижения высоких репутационных целей в Азии;
- вхождение в тройку великих азиатских держав¹¹.

Весьма важным представляется уяснить, как Китай и Индия воспринимают ныне друг друга.

На сегодня можно наблюдать два основных формата китайско-индийского соперничества — ШОС и БРИКС. Первый явно представляет собой вариант противоречий в рамках развивающихся азиатских интеграционных процессов, тогда как второй выводит конкуренцию между Китаем и Индией на глобальный уровень. Многие эксперты обращают внимание на сходства и различия стратегических концепций, традиционно сложившихся в китайской и индийской культурах. В Китае, как и в Индии, правительства предпочитают добиваться внешнеполитических целей, не прибегая к вооруженной силе, явно отдавая себе отчет в том, что любой региональный конфликт, особенно с соседями, может иметь в случае поражения катастрофические последствия для внутривнутриполитического положения в собственной стране. Однако китайская и индийская культуры выработали адекватных стратегических решений кардинально различаются, когда речь заходит о решении проблем, выходящих за рамки региональных: Китай всегда стремится найти вариант решения, ориентированный на «долгосрочную осаду крепости и окружение ее со всех сторон», в то время как Индия, напротив, стремится «окружать крепость», привлекая к этому максимально возможное число ближних и дальних союзников, суля им «щедрую поделиться добычей после захвата крепости»¹².

Современные китайско-индийские противоречия по вопросу о модели азиатской интеграции уходят корнями в глубокую древность. Чтобы в них разобраться, необходимо, прежде всего, признать, что эти противоречия носят цивилизационный характер. Конфуцианство предопределило практически все важнейшие сферы жизни Китая, в том числе влияние на внешние связи страны и искусство дипломатии. Культура международных отношений в Индии также покоится на не подлежащих сомнению принципах, уходящих своими корнями не столько в философию, сколько в религиозные учения о космическом происхождении индийской цивилизации.

В любом вопросе, тем более в тех, что затрагивают систему будущего миропорядка в Азии, Китай и Индия объективно не могут уступить друг другу первенство регионального лидерства¹³.

И в Пекине, и в Дели начинают ощущать, что только наращиванием военной мощи вряд ли получится выстроить интеграционные альянсы на азиатском континенте. Безудержный экономический рост также вряд ли повлечет формирование устойчивого

регионального сообщества из столь разных по общему уровню развития государств. Существуют вполне определенные пределы возможностей каждой страны, до которых она может увеличивать капиталовложения в собственное развитие, а за этими пределами начинает вызревать проблема поиска внешних источников, за обращение к которым всегда приходится платить утратой части национального суверенитета. Для некоторых азиатских государств сегодня вопрос поиска адекватной интеграционной модели влечет за собой непростую дилемму — либо войти в жесткие союзнические отношения с набирающим комплексную государственную мощь Китаем, либо попытаться избежать «крепких объятий» Пекина и присоединиться к «мягкому» альянсу, предлагаемому Индией, которую в обозримой перспективе, вероятно, будет поддерживать, исходя из геополитических соображений, Запад вместе с Японией. Выбор достаточно трудный, он вряд ли будет до конца осознанным, поскольку его придется делать в совершенно новых условиях, когда в каждом конкретном случае может не оказаться альтернатив¹⁴.

Следует признать, что до настоящего времени в Азии пока еще не выработано универсальной интеграционной модели. Глобальный баланс сил изменяется очень быстро, во многом подталкиваемый устойчиво прогрессирующей рецессией и последовательными попытками Китая стать лидирующей мировой державой. Для Индии вариант переориентации региональных устремлений США в Азии означал бы непростой выбор между двумя принципиальными решениями: войти в тесный военно-политический союз с Вашингтоном (по примеру Японии) или найти вариант равноправного сотрудничества с КНР, создавая общую интеграционную систему на азиатском континенте и используя для этого возможности ШОС, предварительно добившись присоединения к ней в качестве полноправного члена¹⁵. Китайско-индийский стратегический альянс сегодня имеет объективные предпосылки оказаться успешным, поскольку на фоне экономических трудностей Запада Китай и Индия демонстрируют устойчивые темпы роста на уровне 9% и 7% соответственно.

При этом крупномасштабные инфраструктурные проекты Пекина, как и снижение экспортной зависимости Дели, направленность индийской экономики на ускоренное развитие внутреннего рынка способны привести обе страны к формированию согласованной модели азиатской интеграции, постепенно распространяющейся на глобальный уровень через механизмы БРИКС.

Пока что трудно ожидать от Китая и Индии быстрого отказа от стремления сформировать свою собственную независимую интеграционную модель для Азии. И дело здесь не только в том, что каждая страна уже вложила достаточно много сил и средств в разработку национальной стратегии. По оценкам экспертов, главным камнем преткновения на пути развития китайско-индийских интеграционных связей будут оставаться фундаментальные противоречия в Юго-Восточной Азии¹⁶. АСЕАН сегодня явно тяготеет к экономическому сотрудничеству с КНР, уже подписав с Китаем соглашение о зоне свободной торговли, которое вступило в реальную силу 1 января 2010 г. В сложившихся условиях Индия пытается сделать ответный ход, объявив о своем намерении присоединиться к таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана.

В связи с этим, как нам представляется, нельзя исключать вариант обострения новых китайско-индийских противоречий на азиатском континенте, способных существенно затормозить формирование единого экономического пространства в Азии.

1. *Ryan M. India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Power* // The School of Advanced International Studies / John Hopkins University. Washington DC. 2012. Oct. P. 3.

2. *Preeg E.* India and China: An Advanced Technology Race // Center for Strategic and International Studies. Washington DC. 2009. P. 8.
3. *Roche J.* Choosing Analytic Measures // The Journal of Strategic Studies. 2012. № 2, June P. 195.
4. *Frankel F.* The China-India Relationship: What the United States Need to Know. New York: Columbia Univ. Press, 2004. P. 75.
5. *Tellis A.* China and India in Asia. New York: Columbia Univ. Press, 2010. P. 138.
6. *Rao Nirupama.* Key Priorities for India's Foreign Policy // IISS. London, 2011. 27 June. P. 19.
7. *Johnson K.* Strategic Culture of China and India: A Perspective for the United States. Carlisle: Strategic Studies Institute. 2009. P. 4.
8. *Scobell A.* Cult of Defence and Great Power Dreams: The Influence of Strategic Culture in China's Relationship with India. London: Strategic Studies Institute, 2012. November. P. 332.
9. *Zang Tiejun.* Zhongguo zhanlue de wenhua [Культура китайской стратегии] // Bijiao zhanlue zazhi. Shanghai, 2012. P. 87–88.
10. *Кодзима Томоси.* Хигаси Адзиа кёдотай [Восточноазиатское сообщество] // Адзиа кэнкю. 2011. Vol. 51, №2, Апрель. С. 16.
11. *Урата Сюдзиро.* Гуробару кинью кики но дзики ни окэру хогосэйсаку [Протекционизм в период глобального финансового кризиса] // Гуробару Адзиа. Vol. 4, No. 3. 2009. С.76–81.
12. *Харада Ясuo.* Тёгоку то Индия: Нихон но канона сэнтаку [Китай и Индия: возможный выбор Японии]. Токио: Мэйдзи дайгаку сюппансё, 2012. С. 82.
13. *Li Baozhong.* Chonguo-Indu zai de duihua [Китайско-индийский диалог]. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 2012. P. 125.
14. A Transformed World / National Intelligence Council. Washington DC., 2012. Nov. P. 41.
15. *Townshed A.* Sino-Indian Mistrust in Asia. Sydney: The Lowy Institute, 2012. P. 24.
16. *Weitz R.* Meeting the Asian Challenge // Journal of Strategic Studies. Washington DC. 2012. No. 3. P. 20.